

Е. И. Гололобов, М. С. Мостовенко

**Рыболовное и охотничье хозяйство Севера Западной Сибири
в 1960–1980-е гг.: от промысла – к отрасли**

Аннотация. В статье рассматривается развитие традиционных отраслей хозяйства народов Севера Западной Сибири в условиях активного индустриального освоения региона. В очень короткие сроки на территории региона был создан Западносибирский нефтегазовый комплекс (далее – ЗСНГК), который к началу 1980-х гг. стал ведущей базой общесоюзной добычи нефти, газового конденсата и природного газа. На этом фоне традиционные отрасли хозяйства региона – рыболовство и охотничье-промысловое, оказались в тени экономического развития «западносибирского нефтегазового исполина». Это обстоятельство в дальнейшем повлияло и на исследовательский интерес историков, сосредоточившихся на изучении различных аспектов становления и развития ЗСНГК. Развитие рыболовного и охотничьего хозяйства Севера Западной Сибири в 1960–1980-е гг. было противоречивым, сочетая в себе интенсивные и экстенсивные черты, сопряженные с негативными последствиями для экологии региона и культуры коренных малочисленных народов Севера. За весь рассматриваемый период для промышленного освоения Севера и сохранения природной среды, необходимой для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера так и не было разработано научно обоснованных программ, необходимых законов и механизмов. Традиционные отрасли хозяйства рыболовство и охота при всех «декларациях» в свой адрес объективно оказывались на периферии государственных интересов. Государственная политика, в которой экономически целесообразным может быть только крупное и коллективное хозяйство, нивелировала экономически эффективные формы хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, делая их убыточными.

Ключевые слова: модернизация, традиционное природопользование, охота, рыбная промышленность, Север Западной Сибири, индустриальное освоение.

E. I. Gololobov, M. S. Mosotvenko

**Fishing and hunting in the North of Western Siberia
in the period of 1960–1980ies: from craft to industry**

Abstract. The article discusses the development of traditional branches of economy of the peoples of the North of Western Siberia in the conditions of active industrial development of the region. In a very short time on the territory of the region the West Siberian oil and gas complex (hereinafter WSOGC) was created, which by the early 1980s has become the leading base production of oil, gas condensate and natural gas of the Soviet Union. In this regard traditional spheres of the region economy – fishing and hunting – were in the shadow of economic development of «the West Siberian oil and gas Giant». This fact further influenced the research interest of historians, focusing on the study of various aspects of the formation and development of WSOGC. The development of fishing and hunting economy in the North of Western Siberia in 1960–1980-ies was contradictory, combining intensive and extensive features having negative consequences for the ecology of the region and culture of indigenous peoples of the North. Science-based programs, the necessary laws and mechanisms for the industrial development of the North and preservation of the natural environment to preserve the traditional lifestyle of indigenous peoples of the North have been never developed for the whole considered period. Such traditional branch of economy as fishing and hunting in spite of “importance” was in “shadow” part of state interest. State policy stimulate only large and collective farm because it was economical rational. Small farms in witch local people work were lossmaking.

Key words: modernization, traditional nature management, hunting, fish industry, the North of Western Siberia, industrial developing.

В 1960–1980-е гг. Север Западной Сибири стал ареной интенсивного индустриального освоения. Причина – наличие колоссальных разведанных запасов нефти и газа. В очень короткие сроки на территории региона был создан Западносибирский нефтегазовый комплекс (далее – ЗСНГК), на долю которого к началу 1980-х гг. приходилось 66 % общесоюзной добычи нефти и газового конденсата и 63 % природного газа [1, 2].

В развитие ЗСНГК вкладывались огромные средства. Уже на первом этапе его формирования (1965–1980 гг.) объем капитальных вложений превысил 55 млрд. рублей. По этому показателю Тюменская область занимала первое место в РСФСР, опережая многие союзные республики [1, 3].

На этом фоне традиционные отрасли хозяйства региона – рыболовство и охотничье-промысловое, оказались в тени экономического развития «западносибирского нефтегазового исполина». Это обстоятельство в дальнейшем повлияло и на исследовательский интерес историков, сосредоточившихся на изучении различных аспектов становления и развития ЗСНГК. Между тем вопросы развития традиционных отраслей экономики региона, промыслового хозяйства народов Севера, освоения биологических ресурсов на Севере Западной Сибири в условиях интенсивной индустриализации остаются недостаточно изученными. Для экологической истории региона эти вопросы вызывают безусловный исследовательский интерес.

Прежде чем обратиться непосредственно к анализу конкретно-исторического материала, остановимся на основных теоретических аспектах исследования.

Система традиционного природопользования является одной из старейших форм взаимодействия человека и природы в историческом прошлом. Данный тип использования природных ресурсов, так или иначе, находился под контролем властных структур, поскольку развитие системы природопользования является одной из основных задач государства.

Во-первых, рассматривая государство как социальный институт, следует иметь в виду, что одной из его функций является поддержание, как уровня экономического развития, так и благосостояния граждан. Во-

вторых, при реализации указанных функций государством в той или иной степени используются природные ресурсы. В результате этого процесса окружающая среда становится объектом политического управления, что приводит не только к политизации экологических проблем, но и открывает возможности преобразования природы.

Известный экологический историк Йоахим Радкау отмечает в этой связи, что «экологические вопросы использования воды и леса очень рано стали частью большой политики — их брали под свой контроль высшие инстанции. <...> Охрана вод и лесов издавна давала властям возможность управления сверху, именно она породила представление об окружающей среде как общем достоянии, нуждающемся в защите от частной корысти» [2, 122]. В итоге ситуация складывалась следующим образом: защищая природу от частнособственнических интересов, аргументируя это тем, что государство может лучше сохранить окружающую среду, властные структуры монополизировали право на широкое использование природных ресурсов.

В действительности же до достижения определённого уровня ухудшения экологической обстановки государством игнорировались проблемы природы. Кроме того, «крайне редко администрации проявляли внимание к окружающей среде бескорыстно, обычно они это делали для интенсификации пользования» [2, 122]. Таким образом, «природа» в государственном понимании лишь выступала «элементом стратегий роста» [2, 253]. Однако для того чтобы включить в оборот новый тип ресурсов или повысить эффективность от уже используемого, необходимо усовершенствовать существующие технологии. Это находит отражение в модернизации природопользования, которое включает в себя использование любых природных ресурсов (как минеральных, так и биологических).

Подобный модернизационный подход может иметь негативный характер. В особенности если он связан с принятием решений основанных только на экономической составляющей, без учета возможных экологических и культурных последствий. Подтверждение данного тезиса можно найти в

исследовании американского экологического историка Пола Джозефсона, который в своей работе «Industrialized Nature» («Промышленная природа» – прим. авт.), говорил о том, что «в результате промышленного преобразования традиционного природопользования коренных малочисленных народов Сибири «партийные руководители сообщали о создании «технически оснащенных охотничьих хозяйств и развитии рыболовства в промышленных масштабах». Однако в действительности все эти модернизационные усилия были лишь инструментом реализации принятых политических решений, основанных на определенном уровне технического оснащения. В итоге ставших причиной бесповоротного изменения традиционного образа жизни коренных народов» [3, 174].

В особенности это касается индустриального подхода к освоению ресурсов. Стремясь извлечь максимальную прибыль от использования того или иного вида биологических ресурсов, государством принимаются меры направленные на модернизацию данной системы заключающуюся прежде всего в изменении подходов к использованию ресурсов: переход от разрозненных хозяйств к централизованной системе получения ресурса, совершенствование технологического процесса, научная организация труда и т. д.

С другой стороны создание крупных индустриальных объектов в регионах, чья экономика до их появления основывалась на традиционном способе организации хозяйства, привносит в их вектор развития модернизационные черты, связанные с комплексным преобразованием всего региона.

Кроме того с теоретической точки зрения модернизационная парадигма дает нам возможность рассмотреть проблему возможной трансформации промысла в отрасль с позиций изменения отношения к используемым ресурсам, а также способам организации промысла. Вместе с тем концепция «преобразования промысла», попытки его перевода на «индустриальные рельсы» позволяет рассматривать природу как «инструмент» реализации государственной политики по отношению к ресурсам.

Говоря об эффективности традиционного хозяйства в контексте его перехода из «промысла» в «отрасль» необходимо рассмотреть

данный процесс с позиций интенсивной либо экстенсивной политики развития.

Интенсификация подразумевает под собой совершенствование технологий добычи, применение более эффективных и рациональных способов регулирования количественного и качественного состава биологических ресурсов. Развитие охотничьего либо рыболовного хозяйства с подобных позиций включает в себя не только повышение технической оснащенности промысловиков и рыболовов, проведение охотоустрательных, учетных, мелиоративных и дноуглубительных работ, но также и совершенствование законодательного механизма направленного на рациональное использование биологических ресурсов, развитие научно-исследовательской инфраструктуры в регионе.

Экстенсивная стратегия развития предполагает, в первую очередь, расширение промысловой площади, заготовительной системы, включение в хозяйственный оборот ранее неиспользуемых ресурсов.

Рассмотрев теоретические аспекты проблемы, обратимся непосредственно к конкретно-исторической тематике исследования.

Экономика региона до возникновения ЗСНГК основывалась на использовании биологических ресурсов. На протяжении столетий социально-экономическое развитие северных территорий Западной Сибири неразрывно было связано с природно-географическими условиями региона, благоприятствовавшими развитию рыболовства, охоты и оленеводства. Например, в ХМАО на каждые 100 км² территории приходится 15 км рек.

Рыбная промышленность во второй половине 1950-х гг. давала половину всей промышленной продукции Ханты-Мансийского национального округа [4, 60]. Тюменская область в целом (в первую очередь, благодаря своим северным национальным округам), занимала важное место по запасам и улову рыбы. В области была сосредоточена половина всей добычи сиговых рыб в РСФСР [5, 410].

При этом рыбообрабатывающая база предприятий области была весьма примитивной. Технические возможности позволяли выпускать в основном низкокачественную рыбопродукцию крепкого посола [6, 9].

Говоря о рыболовецких хозяйствах региона, в первую очередь необходимо отметить тот факт, что со второй половины 1950-х уловы рыбы существенно колебались [6,

6–7; 7]. За период с начала 1950-х до середины 1960-х гг. уловы рыбы в водоемах Тюменской области колебались в пределах от 250 до 420 тыс. центнеров [6, 14].

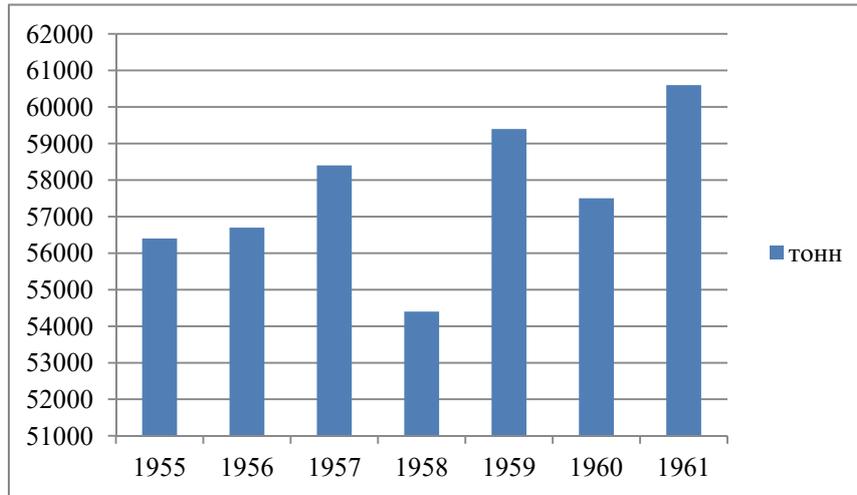

Рисунок 1. Вылов рыбы в Западной Сибири (с учетом Тюменской области)

Однако начавшаяся промышленная разработка нефти в 1960-е годы привела к тому, что в ряде регионов Тюменского севера стала отчетливо проявляться тенденция к снижению объёмов вылова рыбной

продукции. Так только по Ханты-Мансийскому рыбокомбинату с 1960-ого по 1968 году уровень добычи снизился с 40 тыс. тонн до 15 тыс. тонн, то есть практически в 3 раза.

Рисунок 2. Динамика добычи рыбы по Ханты-Мансийскому рыбокомбинату в 1960-е гг.

В целях нейтрализации складывающейся негативной тенденции руководством региона было принято решение включать в хозяйственный оборот не только промышленные угодья вверх и вниз по течению основных речных магистралей – Оби и Иртыша, но и также активно использовать системы мелких рек и озер. Такое решение преследовало своей целью не только увеличение объёмов добычи рыбы, но и нормализацию природного баланса в водоёмах. Так как основная нагрузка ложилась на крупные водоёмы, то в мелких наблюдалась не только повышенная концентрация

рыб, но и измельчение промысловых пород из-за снижения кормовой базы.

Подобное решение оказало положительное влияние на рыболовецкие хозяйства. По данным Тюменского совета народного хозяйства в рыбной промышленности (3-е место в области и главной на Севере) Ханты-Мансийского национального округа существовало 35 предприятий, на которых работало почти 10 000 человек, а валовой объём производимой продукции составлял порядка 350 766 тыс. руб. [8].

Начавшийся процесс модернизации рыбной промышленности региона, факти-

чески включал в себя черты экстенсивного развития. Это можно объяснить благоприятными природными условиями: наличие значительного числа водоёмов, биологическое разнообразие ресурсов в них, наличие обширной водной транспортной инфраструктуры. Тем не менее, развитие рыбного хозяйства шло по пути от промысла, приспособляющегося к стихийным природным процессам к организованному хозяйству, основанному на управлении этими процессами. На предприятиях этой сферы народного хозяйства ежегодно отмечалась не только повышение механизации производства (подобный фактор на наш взгляд является одним из ключевых), но и активное развитие производственной инфраструктуры, а также увеличение численности производственных рабочих.

Индустриальный вектор развития рыболовного хозяйства был задан директивами XX съезда КПСС, предусматривающими проведение комплекса рыбоводно-мелиоративных работ в больших масштабах, с целью улучшения естественных ус-

ловий воспроизводства рыбных запасов, а также развития промышленного рыбозаведения и акклиматизации ценных промысловых рыб [7].

На заседании первой конференции тюменской промышленной областной партийной организации присутствовали делегаты и от рыбопромышленных предприятий региона, тем самым подчеркивая индустриальный вектор развития рыбного хозяйства [9]. Во второй половине 1960-х специалисты Обь-Тазовского отделения Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства отмечали, что в рыбной промышленности происходит «наращивание производственно-технических мощностей, внедрение механизированных высокопроизводительных способов лова» [6, 23].

Это дало результаты и уже в 1974 году предприятиями рыбной промышленности было добыто 14 894 тонн рыбы, в 1975 и 1976 годах было получено 15 789 и 19 306 тонн соответственно, в 1977 и 1978 годах – 16 879 и 11 155 тонн, в 1981 году объем добываемой рыбы составил 16 426 тонн.

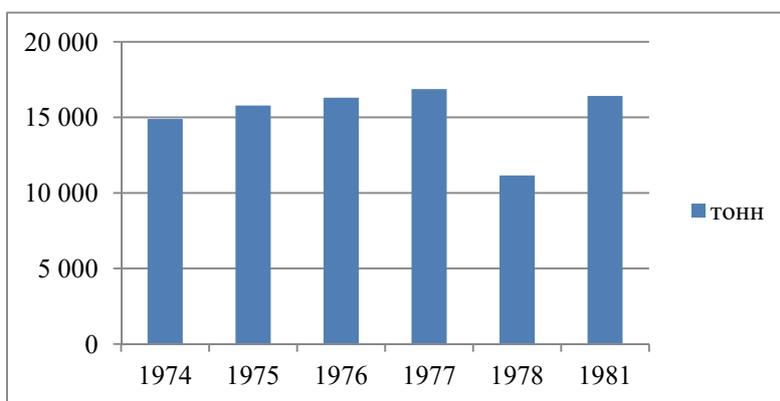

Рисунок 3. Динамика добычи рыбы в регионе во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг.

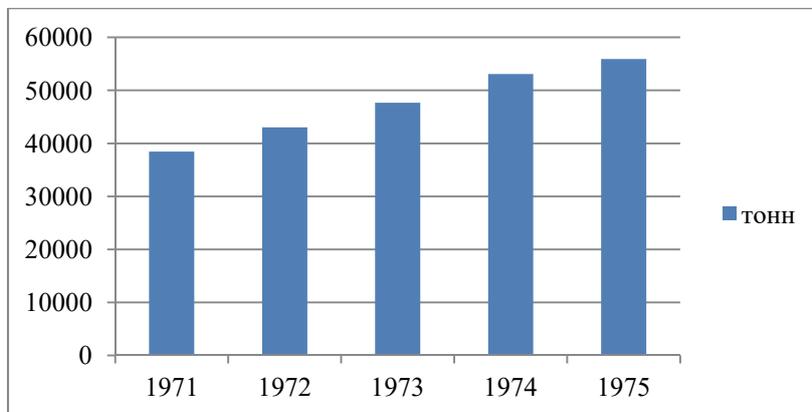

Рисунок 4. Динамика уловов рыбы в водоёмах Западной Сибири

В рассматриваемый период промышленное рыболовство было оснащено промысловым самоходным флотом, рефрижераторами, холодильными и рыбоморозильными установками, ленточными транспортерами, самоходными льдобурами, электрокарами, рыболовецкие бригады – механизированным флотом, орудиями лова (невода, капроновые сети), спецодеждой [8].

В рыболовстве было занято 22,5 % всех трудоспособных хантов, манси и ненцев по ХМАО. Это 29 % всех занятых в данной отрасли хозяйства. В рыбной промышленности было занято 630 хантов и манси. По ЯНАО до 70 % от числа всех занятых в бригадах гослова окружных рыбзаводов являлись представителями народностей Севера [8].

На пути поступательного развития рыболовного хозяйства региона были и серьезные преграды. В первую очередь, негативное влияние на рыболовство оказывали лесозаготовки. Молевой сплав древесины, засорение нерестовых участков отходами продукции лесного хозяйства вывели из строя многие рыбохозяйственные угодья. К началу 1960-х гг. из-за лесосплава прекратился заход рыбы в Лебинский, Шеркальский и Вандомский соры Октябрьского района ХМАО. Всего по Тюменской области органами рыбоохраны было выявлено 23 крупных водоема, потерявших промысловое значение из-за засорения древесиной [7].

Промышленные предприятия, расположенные в бассейне Оби, не соблюдали правила очистки сточных вод, отравляли реки (Томь, Исеть, Тавда, Тобол) и губили рыбу [9].

Негативную роль в развитии рыболовного хозяйства Севера Западной Сибири сыграло строительство гидроэлектростанций на Оби (Новосибирская, Усть-Каменогорская). Плотина Новосибирской ГЭС отрезала свыше 40% нерестовой площади осетра и нельмы. Этот ущерб не мог быть восполнен за счет увеличения естественного воспроизводства в других участках бассейна. Это обстоятельство делало не просто целесообразным, а остро необходимым развитие искусственного рыборазведения.

Важно отметить, что с 1960-х гг. рыбная отрасль, как и весь Север Западной Сибири стала испытывать на себе негативные по-

следствия становления и развития ЗСНГК. Уже в 1962 г. Сургутская районная партийная конференция доводила до сведения областного комитета КПСС, что нефтеразведочные экспедиции не обеспечены резервуарами в период испытания нефтяных скважин. По этой причине большое количество нефти выпускалось в закрытые водоемы, что приводило к засорению рыбных бассейнов района и массовой гибели рыбы [10, 5].

Водная акватория регулярно загрязнялась нефтепродуктами. Ряд малых рек области полностью потеряли свое рыбохозяйственное значение и превратились в сточные коллекторы [6, 15–16].

Так же, во многом негативную роль для развития отрасли сыграло Постановление Совета Министров РСФСР № 877 от 8 июля 1961 г. «О преобразовании рыболовецких колхозов и сельскохозяйственных артелей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов Тюменской области в совхозы и другие государственные и кооперативные хозяйства» [11]. Ханты, манси и ненцы в одночасье из коллективных землепользователей превратились в государственных рабочих.

Определенные социально-экономические причины такого решения кончено были. Ликвидировались мелкие нерентабельные хозяйства (то есть колхозы), рабочие стали получать гарантированную заработную плату, (которая была выше, чем в колхозах), социальные гарантии (отпуска, пенсии по старости). В совхозах улучшилось снабжение промышленными и продовольственными товарами. С другой стороны это привело к излишней концентрации и централизации хозяйства. Людей сселяли в крупные усадьбы. Это привело к запустению значительных промысловых пространств, оторванности большого количества рыбаков от промысловых участков, к необходимости осуществлять лов рыбы экспедиционным способом. Рыбаки проводили много месяцев вдалеке от семьи и собственного жилья, по большей части, в очень плохих социально-бытовых условиях.

Таким образом, можно констатировать двоякий характер развития рыболовной отрасли в регионе. Этот процесс имел как черты интенсификации, так и экстенсивного развития. Наряду с повышением уровня

механизации производства, развития инфраструктуры, расширились промысловые площади, в хозяйственный оборот включались малые водоемы. При этом, часть водоемов в результате негативных экологических последствий деятельности нефтедобывающей и лесной промышленности, наоборот выходили из хозяйственного оборота. Процесс осложнялся непродуманными политическими решениями об укрупнении хозяйств, которые негативно сказывались на хозяйственной деятельности коренных народов Севера.

Большую роль в экономике населения Севера Западной Сибири играло охотничье хозяйство и звероводство. Охотничий промысел подразделялся на добычу «мясной» дичи и на пушную охоту. За весь рассматриваемый период мясной промысел не имел товарной направленности. Практически вся добыча копытных и пернатых потреблялась внутри северных хозяйств.

Клеточное звероводство стало развиваться со второй половины 1930-х гг. Удельный вес доходов от охоты и зверо-

водства в бюджете коренного населения Севера Западной Сибири в некоторых районах достигал 50 % [10, 219]. Развитие системы охотничьих хозяйств изначально сочетало в себе интенсивные и экстенсивные формы. Государственная политика была направлена на развитие двух основных направлений: расширение сети клеточного пушного звероводства и содействие развитию заготовок «дикой» пушнины, которая в итоговых показателях ценилась выше, чем продукция, полученная со звероферм.

При этом в приоритете оказались звероводческие хозяйства. Традиционные охотничьи хозяйства, если не брать в расчет декларативные заявления властей об их поддержке, фактически выпали из сферы экономических интересов государства. Уже в 1960 г. доля продукции клеточного звероводства составляла две трети стоимости всей заготовленной в Тюменской области пушнины [10, 220]. Объем роста продукции звероводческих хозяйств с 1953 по 1963 год вырос в 11 раз и составил 170 тыс. шкурок пушных зверей.

Рисунок 5. Рост производства пушнины в зверосохозах РСФСР

В целях повышения рентабельности охотничьих хозяйств и включения их в индустриальную систему природопользования региона 16 января 1962 года Советом Министров РСФСР было принято постановление № 53 «О дополнительных мерах по использованию природных ресурсов» [11]. Постановление обязывало Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников РСФСР до 1965 года создать на территории РСФСР 40 государственных промысловых хозяйств, которые действовали бы в рамках проводимой в стране сис-

темы хозяйственного расчета. Согласно постановлению госпромхозы должны были вести комплексное хозяйство.

Постановление также должно было способствовать более рациональному использованию всей, имеющейся у охотничьих хозяйств, промысловой территории. В материалах одного из ведущих отраслевых журналов «Охота и охотничье хозяйство» издававшегося при поддержке Министерства сельского хозяйства СССР и посвященного охоте в многочисленных письмах (в особенности от промысловиков северных регионов) отмеча-

лось, что «зверь в основном добывается в близлежащих местах» [16]. Это приводило к тому, что на одной территории наблюдался перепромысел пушных зверей. В отдаленных же угодьях был их переизбыток.

К 1965 году данное постановление выполнили. Было создано 74 госпромхоза в основном в малообжитых и необжитых местах таёжных и тундровых районов Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера. Согласно материалам отчета о выполнении данного постановления, госпромхозами за период с 1962 по 1970 гг. было поставлено экономике страны продукции на 198 млн рублей из них только на 30 млн рублей пушной продукции, чистая прибыль составила 7 млн рублей [11].

Восстанавливались до «промысловой плотности» местные виды: соболь, лось,

бобр. Целенаправленно проводились мероприятия по «обогащению» местной фауны новыми видами промысловых животных (ондатра, американская норка). На Севере Западной Сибири ондатра была выпущена впервые в 1932 г. и очень быстро акклиматизировалась и расселилась по всей территории Тюменской области. В заготовках пушнины ондатра заняла второе место после песца, отодвинув белку на третье место [10, 219].

В целом улучшились и показатели выполнения плана по заготовкам пушнины. В качестве примера можно привести сведения о заготовках пушнины за 1964 год по Ханты-Мансийскому автономному округу [12]. Однако, несмотря на рост количественных показателей, план по-прежнему не выполнялся.

Таблица 1

Сведения о заготовках пушнины за 1964 год в разрезе районов по Ханты-Мансийском округу в тыс. руб.

	Березовский район	Кондинский район	Нижневартовский район	Октябрьский район	Сургутский район	Ханты-Мансийский район	Итого по округу
Пушнины – план	630,1	699,9	198	135,7	478,5	515,3	2657,5
Выполнено	553,6	847,9	185,4	127,2	401,7	544	2660
% выполнения	88	121,1	93,6	93,8	83,9	105,6	100,1

Вместе с тем, говоря об организациях, занимавшихся пушным промыслом, стоит отметить, что существовавшие планы по заготовки «промысловой пушнины» были составлены без учета возможной биологической продуктивности охотничьих угодий.

Так согласно материалам проверок заготовительных организаций, обществ охотников, магазинов по северу Тюменской области занимавшихся охотничьей деятельностью лишь единицы предприятий выполняли производственные планы [13].

Таблица 2

Результаты деятельности заготовительных организаций

	План заготовки промысловой пушнины за 1967/1968 (руб.)	План заготовки боровой дичи за 1967/1968 (шт.)	Выполнено по промысловой пушнине за 1967/1968 (руб.)	Выполнено по боровой дичи за 1967/1968 (шт.)
Супрнское пром-охототделение	20 000/12 000	1 500/ 1500	10 178/8 500	46/137
Кондинское пром-охототделение	60 800/ 72 000	Данных нет/1 500	93 000/42 200	Данных нет/ 239
Кондинский совхоз	4 400/4 400	Данных нет	4 636/ 5476	Данных нет
Совхоз «Ильичевский»	15 600/ 15 500	Данных нет	19 300/ 7 264	Данных нет

В первую очередь, необходимо сказать о том, что к указанным данным следует относиться с большой осторожностью. При анализе статистических данных, приведённых в отчете старшего охотоведа округа за 1967 год, и материалов проверки деятельности промы-

словых организаций, в том числе Кондинского совхоза, а также совхоза «Ильичевский» и Карымского зверосовхоза за тот же год было обнаружено, что плановые показатели и результат их выполнения значительно различаются [14].

Таблица 3

Результаты деятельности промысловых хозяйств по сдаче пушнины

	Плановые показатели на 1967 (акты проверок заготовительных организаций) в руб.	Плановые показатели на 1967 (отчет старшего охотоведа округа) в руб.	Результат выполнения по итогам 1967 (акты проверок заготовительных организаций) в руб.	Результат выполнения по итогам 1967 (отчет старшего охотоведа округа) в руб.
Кондинский совхоз	4 400	138 400	4 636	192 500
Совхоз «Ильичевский» Кондинского района	15 600	72 500	19 300	148 100
Карымский зверосовхоз Кондинского района	6 300	140 700	7 100	200 300

Как следует из приведённой выше таблицы плановые показатели и итог их выполнения различаются больше чем в 10 раз. Подобное расхождение заставляет нас усомниться в представленных данных. Кроме того это свидетельствует о том, что реальную эффективность промысловых хозяйств округа трудно оценить из-за пренебрежительного отношения к отчетной и учетной документации, поскольку установить точное количество добываемых животных весьма трудно.

Вышесказанное наглядно иллюстрирует сообщение начальника охотничье-промыслового управления Г. Сидельникова Тюменскому облисполкому. Данный документ был подготовлен по результатам анализа присланных годовых отчетов о деятельности промысловых организаций региона, в котором в частности сообщалось, что «произведенный управлением анализ годовых отчетов, о работе районных охотоведов, показал, что большинство охотоведов района при составлении отчета отнесли к выполнению этой работы невнимательно, формально, лишь бы отписаться...

В большей части отчетов сведения даются нереальные. Так, охотовед Тюменцев сообщает, произведено собраний в первичных охотколлективах 102, тогда как за весь 1967 год не произвел ни одной проверки работы охотколлективов» [15].

Кроме того, завышение результатов выполнения плановых показателей по сдаче пушной продукции промысловыми хозяйствами, как в отчетах старших охотоведов ок-

руга, так и в материалах проверяющих организаций было вызвано не только формальным отношением к данным документам, но и желанием продемонстрировать «позитивную тенденцию» в развитии охотничьих хозяйств.

Подтверждение данного предположения обнаружено и на страницах средств массовой информации. В качестве примера можно привести статью главы Союзпушнины А. Каплина о результатах деятельности промысловых хозяйств в Тюменской области. «Вот, например, как обстояло дело с заготовками пушнины в Тобольском районе, Тюменской области. Директор заготовительной конторы райпотребсоюза тов. Малышев не мог сказать ничего конкретного о заготовке пушнины по видам. Несколько позже выяснилось, что районная заготовительная контора устанавливает для низовых заготовителей (сельпо) план заготовок пушнины по сумме, а не по количеству шкурок отдельных видов. Годовой план заготовок пушнины на 10 ноября был выполнен лишь на 22 %. Однако тов. Малышев не унывал. Он рассчитывал на то, что сдаст свыше 2 тысяч шкурок серебристо-черных лисиц, которые должны были поступить сверх плана в 1960 году, и выполнить годовой план. Ни районные, ни областные организации не критиковали контру за слабое развитие пушного промысла и заготовок пушнины, добытой охотой... Так, два колхоза Тобольского района «Заветы Ильича» и имени Карла Маркса, насчитывающие около

800 дворов, не выделяли для пушного промысла ни одного охотника» [16, 4].

Старший охотовед ХМАО П. Агеенко отмечал, что «состояние охотничьего хозяйства в Ханты-Мансийском округе неоднократно подвергалось резкой и справедливой критике на страницах местной и центральной печати. В печатных материалах указывалось на неправильное отношение к развитию охотничьего промысла, на сокращение выхода промысловой пушнины. Чтобы скрыть свою бездеятельность, заготовительные организации выполняли план пушных заготовок за счет продукции клеточного звероводства» [17, 12].

В связи с этим возникает вопрос о том, стали ли охотничьи хозяйства экономически значимой отраслью, или же они оказались на уровне промыслов? Безусловно, одной из положительных черт, связанной с интенсификацией производства, стало развитие системы клеточного звероводства, снижавшего промысловую нагрузку на животный мир. Кроме того, клеточное звероводство позволяло получать стабильную продукцию от существовавших зверосовхозов, вместо зависимости охотников не только от погодных условий, но и от численности промысловых зверей. Более наглядно данную ситуацию иллюстрируют данные представленные ниже (рис. 6).

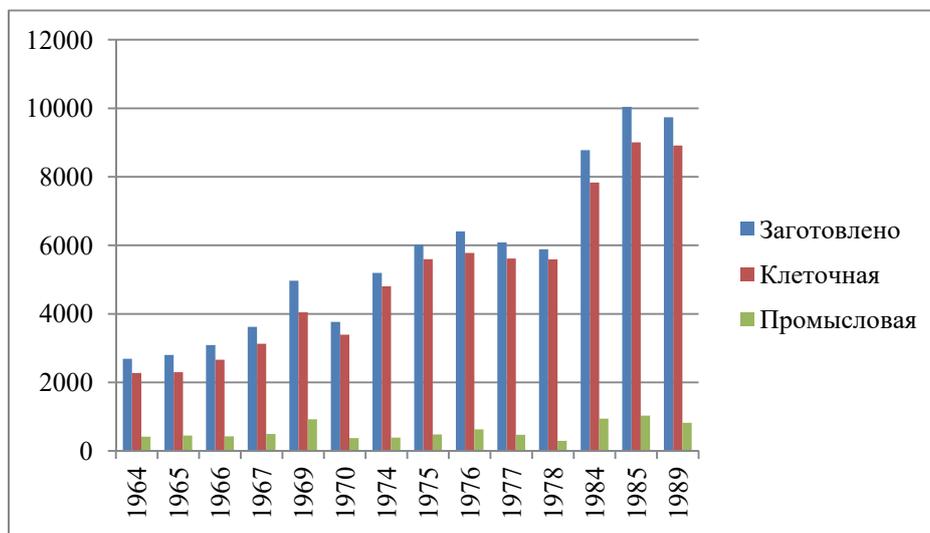

Рисунок 6. Динамика заготовки пушной продукции с 1964 по 1989 гг. (в тыс. руб.)

Планы по заготовке пушной продукции в основном выполнялись за счет предоставляемого зверопромхозами и коопзверпромхозами пушного сырья. Однако практически без изменений остался сам способ организации производства, при котором лишь незначительная часть хозяйств занималась исключительно охотничьей деятельностью. Кроме того, проблема технической оснащенности не только самих охотников, но и сотрудников государственной охотничьей инспекции была на низком уровне, в особенности это касалось транспорта. Попытки реформировать охотничий промысел ограничились лишь отдельными мероприятиями, направленными на упорядочивание деятельности промысловых организаций.

Процесс модернизации традиционного хозяйства является комплексным по своему характеру. Привносятся промышленные черты в уже сложившиеся системы промыслов, осно-

ванных на использовании биологических ресурсов, при достаточно глубоком подходе возможно преобразование их до экономически значимых отраслей хозяйства. Кроме того интенсификация хозяйства подразумевает под собой создание разветвлённой инфраструктуры, повышение механизации производства, а также увеличение числа квалифицированных кадров, занятых на производстве.

Уменьшение пушного промысла было связано, в первую очередь, с уменьшением численности профессиональных охотников из числа коренного населения Севера. В 1981–1985 гг. в северных хозяйствах насчитывалось 553 специализированных охотничьих бригады, в которых было занято около 3,8 тыс. кадровых охотников [8, 61].

Пушной промысел был в состоянии постоянного упадка. Положение не выправлялось, несмотря на привлечение значительного количества охотников-любителей. Сдаваемая

ими продукция составляла небольшой процент от общей массы продукции промысла.

Охотничье хозяйство было хронически нерентабельным. Это было следствием целого ряда причин. В их числе неупорядоченность финансовой деятельности в охотничьем промысле. Очень часто заработок охотников промысловиков был ниже доходов оленеводов и работников других профессий.

Здесь, как и с рыболовством, негативную роль сыграло Постановление Совета Министров РСФСР № 877. Об этом красноречиво свидетельствует докладная записка ныне известнейшего специалиста по этнографии обских угров доктора исторических наук Зои Петровны Соколовой, а тогда в 1960-е гг. младшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР. Докладная записка касалась современного положения хантов Шурышкарского района ЯНАО. Приведем отрывок: «Охота в районе, как и во всем округе, развивается слабо. Этой отрасли уделяется мало внимания, охотников становится все меньше и меньше, а те, которые имеются, заняты подчас на других работах (подледный лов, извоз и пр.). Теперь с реорганизацией колхозов в совхозы и рыбоучастки, эта отрасль пользуется еще меньшим вниманием, так как ни те, ни другие не заинтересованы в ее развитии» [19, 115].

На развитие охотничьего хозяйства негативно влиял ЗСНГК. Сеть трубопроводов, проложенная в ЯНАО и ХМАО, значительно сократила возможности охотничьего промысла. Оказались перерезанными пути сезонных миграций копытных животных. В отличие от Европейского Севера, где источники топливного сырья, как правило, не соприкасались с территориями расселения северных коренных народов, месторождения Севера Западной Сибири были расположены непосредственно на землях исконного обитания обских угров и ненцев. Стремительный рост нефтедобычи привел к возникновению городов, строительству и функционированию трубопроводов, строительству транспортной инфраструктуры. Все это коренным образом повлияло как на традиционное хозяйство народов Севера в целом, так и на охотничий промысел в частности.

В итоге развитие рыболовного и охотничьего хозяйства Севера Западной Сибири

в 1960–1980-е гг. было противоречивым, сочетая в себе интенсивные и экстенсивные черты, сопряженные с негативными последствиями для экологии региона и культуры коренных малочисленных народов Севера. Выделим основные факторы, повлиявшие на этот процесс.

Первое. На самом высоком государственном уровне декларировалась необходимость комплексного подхода к изучению и освоению ресурсов региона: «...проблемы развития народного хозяйства этого района не могут быть решены без широкого комплексного изучения его природных условий и ресурсов, с целью определения его основных направлений и разработки взаимно увязанных схем их освоения и хозяйственного строительства. Изолированное (или с недостаточным учетом интересов комплекса), рассмотрение вопросов использования отдельных видов ресурсов Обского Севера может привести к необоснованным с народнохозяйственной точки зрения решениям и нанести серьезный ущерб экономике страны» [25].

Подчеркивалась необходимость обеспечения благоприятного сочетания индустриального освоения природных ресурсов Севера с охраной природы и традиционным северным промысловым хозяйством. В реальности же за весь рассматриваемый период для промышленного освоения Севера и сохранения природной среды, необходимой для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера так и не было разработано научно обоснованных программ, необходимых законов и механизмов.

Второе: «... наличие в недрах северной части Западной Сибири крупных запасов полезных ископаемых, коренным образом изменило представление об этом районе, как мало перспективном для хозяйственного освоения» [26]. Ни огромные запасы лесных ресурсов, ни колоссальные возможности рыболовства, пушной охоты и оленеводства «коренным» образом не изменили малооперспективный для государства экономический статус региона. Это смогли сделать только нефть и газ. Их освоение и стало первоочередной задачей центральных, региональных и местных партийных и хозяйственных властей в рассматриваемый период. Традицион-

ные отрасли хозяйства рыболовство и охота при всех «декларациях» в свой адрес объективно оказывались на периферии государственных интересов.

Третье. В 1960-е гг. на Севере, в том числе и Западносибирском, была проведена реорганизация сельскохозяйственных и рыболовецких артелей в совхозы. Перестраивался аппарат управления, в северных хозяйствах выросло количество приезжих специалистов, укрупнялись и интенсивно застраивались центральные усадьбы. Коренное население из коллективных землепользователей превратилось в рабочих государ-

ственных сельскохозяйственных предприятий. Делалось все быстро и директивно.

Например, Сургутская районная партийная конференция своим постановлением обязала бюро райкома КПСС в месячный срок решить вопрос о преобразовании колхозов в совхозы и передаче рыбацких артелей в рыбную промышленность и кооперацию [10, 9]. Государственная политика, в которой экономически «целесообразным» может быть только крупное и коллективное хозяйство, нивелировала экономически эффективные формы хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, делая их убыточными.

Литература

1. Будьков, С. Т. Социально-экономические аспекты формирования Западносибирского территориально-производственного комплекса [Текст] / С. Т. Будьков // Человек на Севере : тез. обл. науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Тюмень : Тюм. облтипография, 1988. – 234 с.
2. Радкау, Й. Природа и власть [Текст] / Й. Радкау. – М. : Изд. дом Высшей Школы Экономики, 2014. – 472 с.
3. Josephson Paul R Industrialized nature. – Washington: Island Press, 2002. – 312 p.
4. Большая Советская энциклопедия [Текст]. – Т. 46. – М. : Государственное научное издательство, 2-е издание, 1957. – 672 с.
5. Большая Советская энциклопедия [Текст]. – Т. 26. – М. : Государственное научное издательство, 3-е издание, 1977. – 670 с.
6. Вотинов, Н. П. Больше рыбы стране : материалы к лекциям [Текст] / Н. П. Вотинов, В. А. Замятин, А. Н. Петкевич. – Тюмень : Тюм. облтипография, 1966. – 322 с.
7. РГАЭ. – Ф. 399. – Оп. 3. – Д. 1118. – Л. 56.
8. Народы Советского Севера [Текст]. – М. : Наука, 1991. – 170 с.
9. РГАЭ. – Ф. 399. – Оп. 3. – Д. 1118. – Л. 69.
10. Постановление XIV Сургутской районной партийной конференции о работе районного комитета КПСС [Текст] // Научный Архив Сургутского краеведческого музея. – Сургут, 1962.
11. КУ Государственный Архив Югры. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 723. – Л. 103.
12. Пирожников, П. Л. Рыбное хозяйство на озерах, реках и водохранилищах СССР [Текст] / П. Л. Пирожников // Рыбное хозяйство Обь-Иртышского бассейна. – Свердловск : Средн-Урал кн.изд-во. – 1977. – 203 с.
13. КУ Государственный Архив Югры. – Ф. 319. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 7.
14. КУ Государственный Архив Югры. – Ф. 319. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 19.
15. ГБУТО ГАСПИТО. – Ф. 2010. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 109.
16. Тарасенков, Г. Н. На просторах Обь-Иртышья. Природа, хозяйство, культура Тюменской области [Текст] / Г. Н. Тарасенков. – Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1964. – 432 с.
17. ГАРФ. – Ф. А-259. – Оп. 32. – Д. 322. – Л. 4.
18. КУ Государственный Архив Югры. – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 38а. – Л. 2.
19. Соколова, З. П. Народы Западной Сибири в 1950–1980-х годах: Полевые материалы, докладные записки и отчеты [Текст] / З. П. Соколова. – М. : Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2015. – 115 с.
20. КУ Государственный Архив Югры. – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 37–44.
21. КУ Государственный Архив Югры. – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 2.
22. КУ Государственный Архив Югры. – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 7.
23. Каплин, А. Недостатки организации пушного промысла [Текст] / А. Каплин // Охота и охотничье хозяйство. – 1961. – № 5. – С. 3–4.
24. Агеенко, П. Нам нужны охотоведы [Текст] / П. Агеенко // Охота и охотничье хозяйство. – 1961. – № 8. – С. 12.
25. РГАЭ. – Ф. 399. – Оп. 3. – Д. 1118. – Л. 38.
26. РГАЭ. – Ф. 399. – Оп. 3. – Д. 1118. – Л. 12.

Reference

1. Budkov S. T. *Social'no-jekonomicheskie aspekty formirovanija Zapadnosibirskogo territorial'no-proizvodstvennogo kompleksa* [Social-economical aspects of creating of West Siberian territory industrial complex]. *Chelovek na Severe: (Tez. obl. nauch.-prakt. konf.)* [Man in the North (conference materials)], 1988, part 1, 234 p.
2. Radkay I. *Priroda i vlast'* [Nature and Power]. Moscow: High School Economy, 2014, 472 p.
3. Josephson Paul R. *Industrialized nature*. Washington: Island Press, 2002, 312 p.
4. *Bol'shaja Sovetskaja jenciklopedija* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 1957. Vol. 46. 672 p.
5. *Bol'shaja Sovetskaja jenciklopedija* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 1977. Vol. 26. 670 p.
6. Votinov N. P., Zamyatin V. A., Petkevich A. N. *Bol'she ryby strane: Materialy k lekcijam* [More fish for economy: Materials for lectures]. Tyumen: Tyumen's obltipografija Publ., 1966. 322 p.
7. *Rossiiskiy Gosudarstvennyj Archive Ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F.399. Inv. 3. S. 1118. P. 56.
8. *Narody Sovetskogo Severa* [People of the Soviet North], Moscow: Nauka Publ., 1991. 170 p.
9. *Rossiiskiy Gosudarstvennyj Archive Ekonomiki* [Russian State Archive of Economy] F.399. Inv.3 S. 1118. P. 69.
10. *Nauchnyj Arhiv Surgut'skogo kraevedcheskogo muzeja* [The scientific Archive of the Surgut Museum of local lore]. *Postanovlenie XIV Surgut'skoj rajonnoj partijnoj konferencii o rabote rajonnogo komiteta KPSS. Surgut. 22 dekabrja 1962* [The decision of XIV Surgut district party conference about work of the regional Committee of CPSU. December 22, 1962].
11. *KU Gosudarstvennyj Archive Ugry* [SI State Archive of Yugra]. F. 1. Inv. 1. S. 723. P. 103.
12. Pirozhnikov P. L. *Rybnoe hozjajstvo na ozerah, rekah i vodohranilishhah SSSR* [The fish industry in lakes, rivers and dam ponds of USSR]. *Rybnoe hozjajstvo Ob'-Irtyskogo bassejna* [The fish economy of Ob-Irtysh basin], 1977, 203 p.
13. *KU Gosudarstvennyj Archive Ugry* [SI State Archive of Yugra]. F. 319. Inv. 1. S. 31. P. 7.
14. *KU Gosudarstvennyj Archive Ugry* [SI State Archive of Yugra]. F. 319. Inv. 1. S. 20. P. 19.
15. *Gosudarstvennoe Budgetnoe Ucherejdenie Tjmenskoj Oblasti Gosudarstvennyj Archive Soczialno-Politicheskoy Istorii Tjmenskoj Oblasti* [State Budget Organization of Tyumen Oblast State Archive of Social-Political History of Tyumen Oblast]. F. 2010. Inv. 1. S. 2. P. 109.
16. Tarasenkov G. N. *Na prostorah Ob'-Irtys'hja. Priroda, hozjajstvo, kul'tura Tjmenskoj oblasti* [On Ob-Irtysh lands. Nature, economy, culture of Tyumen Oblast]. Sverdlovsk: Sredne-Ural. kn. izd-vo Publ., 1964. 432 p.
17. *Gosudarstvennyj Archive RF* [State Archive of RF]. F. A-259. Inv. 32. S. 322. P. 4.
18. *KU Gosudarstvennyj Archive Ugry* [SI State Archive of Yugra]. F. 277. Inv. 1. S. 38a. P. 2.
19. Sokolova Z. P. *Narody Zapadnoj Sibiri v 1950-1980-h godah: Polevye materialy, dokladnye zapiski i otchety* [The people of the Western Siberia in 1950-1980 years: Field materials, reports and summary]. Moscow: Ros. akad. nauk, In-t jetnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaja Publ., 2015. 115 p.
20. *KU Gosudarstvennyj Archive Ugry* [SI State Archive of Yugra]. F. 277. Inv. 1. S. 65. P. 37-44.
21. *KU Gosudarstvennyj Archive Ugry* [SI State Archive of Yugra] F. 277. Inv. 1 S. 63. P. 2.
22. *KU Gosudarstvennyj Archive Ugry* [SI State Archive of Yugra] F. 277. Inv. 1 S. 63. P. 7.
23. Kaplin A. *Nedostatki organizacii pushnogo promysla* [Disadvantages of organization of fur craft]. *Ohota i ohotnich'e hozjajstvo* [Hunting and hunting farms], 1961, no. 5, pp. 3-4.
24. Ageenko P. *Nam nuzhny ohotovedy* [We needs game managers]. *Ohota i ohotnich'e hozjajstvo* [Hunting and hunting farm], 1961, no. 8, 12 p.
25. *Rossiiskiy Gosudarstvennyj Archive Ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F. 399. Inv. 3. S. 1118. P. 38.
26. *Rossiiskiy Gosudarstvennyj Archive Ekonomiki* [Russian State Archive of Economy]. F. 399. Inv. 3. S. 1118. P. 12.